

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ayana A. Samdan, Cand. of Sci. (History), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov St., Kyzyl, Russia, 667000.

E-mail: camayana@mail.ru

© Самдан А.А., 2022

Научная статья
УДК 94(470+571.52)

Внешнеполитические и внутриполитические причины вооруженного восстания на Хемчике в 1930 г.

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, к.ф.н., ученый секретарь, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nod695596@gmail.com

Аннотация. В представленной статье исследуется комплекс внешних и внутренних политических причин, повлиявших на возникновение вооруженного восстания на Хемчике в 1930 г. Автор констатирует, что радикальная и ускоренная реализация «левого курса», продиктованного извне; борьба с «правым уклоном» на уровне государственного управления и партии, и, как следствие – отрешение от власти бывших феодалов и лам; обсуждения предстоящей конфискации имущества бывших феодалов и лам, форсирование коллективизации стали определяющими внутриполитическими событиями, повлиявшими на обострение социально-политического конфликта между правительством, партией, с одной стороны, и бывшей элитой, простыми аратами – с другой. Не менее важными в общеполитической ситуации того времени были такие решения, как лишение политических (избирательных) прав бывших феодалов и лам по принципу сословной и статусной принадлежности, отделение буддийской церкви от государства и последующие активизация антирелигиозной политики и законодательный запрет приема на монастырское обучение лиц моложе 18 лет, а также применение мер экономического давления на хозяйственную систему монастырей через политику дифференцированного налогообложения. Значимой оказалась, как отмечается в статье, роль политических слухов, в частности, слухов о приходе Панчен-Богдо.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, левый курс, борьба с правым уклоном, политические чистки, поражение прав, политическая сегрегация, конфискация имущества, «ламский вопрос», вооруженное восстание

Для цитирования: Натсак О.Д. «Внешнеполитические и внутриполитические причины вооруженного восстания на Хемчике в 1930 г.» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 2(2). С. 48-78. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-48-78

Foreign and Domestic Political Factors in the Emergence of the Armed Uprising on Khemchik in 1930

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com.

Abstract. The article examines the complex of external and internal political factors that influenced the emergence of the armed uprising in Khemchik in 1930. The author concludes that the radical and accelerated implementation of the "left course" dictated from the outside, the fight against the "right bias" at the level of public administration and the party, and as a consequence – the removal from power of former feudal lords and lamas, discussions of the impending confiscation of the property of former feudal lords and lamas, the acceleration of collectivization have become defining domestic political events that have affected the aggravation of the socio-political conflict between the government, the party, on the one hand, and the former elites, ordinary arats, on the other. No less important were such events as the deprivation of political (electoral) rights of former feudal lords and lamas on the basis of class and status affiliation, the separation of the Buddhist church from the state and activation of anti-religious policy and the legislative prohibition of admission to monastic education of persons under 18, and as well as the use of economic pressure measures on the economic system of monasteries through the policy of differentiated taxation. The author reveals the role of political rumors, in particular, rumors about the arrival of the Panchen-Bogdo.

Keywords: the Tuvan People's Republic, "left course", struggle against right bias, political purges, deprivation of rights, political segregation, confiscation of property, "lama question", armed uprising

For citation: Natsak, O. D. (2022) "Foreign and domestic political factors in the emergence of the armed uprising on Khemchik in 1930" // Asian Studies: History and Modernity, no. 2(2), p. 48-78. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-48-78

Введение

В марте 1930 г. в западной части Тувы вспыхнуло восстание, в ходе которого мятежники имели вооруженные столкновения с правительственными отрядами. По данным А. А. Самдан, в восстании участвовало около 400 человек, по своему социальному положению участниками были не только состоятельные бывшие чиновники, но и простые араты [Самдан 2020, 66-80]. Политические цели и мотивы восстания были следующими: «в защиту религии», «за уничтожение партии», «за равноправие классов», «против запрета поступления детей в монастыри», «против новой налоговой политики» [Сердобов 1985, с. 98]. Восстание было полностью подавлено в июне 1930 г., остатки мятежников бежали через Монголию в Синьцзян. По своему масштабу события 1930 г. представляют собой самое крупное антиправительственное и антипартийное выступление в период ТНР. В истории социально-политического протеста в ТНР оно не было первым, и не было последним. Первым было восстание на Хемчике в 1924 г., события 1930 г. произошли практически синхронно с восстанием

советских граждан в центральной части Тувы, за ними последовали так называемая «контрреволюционная» активность разных групп на юге Тувы в 1931-1932 гг. и Тере-Хольское восстание 1932 г.

Восстание 1930 г. происходило в иных условиях международного и внутреннего положения ТНР, чем восстание 1924 г., что в принципе во многом отличает эти два события. Во-первых, к 1930 г. ТНР уже имела легитимный международный статус – республика как самостоятельное государство была признана СССР в 1925 г. и МНР в 1926 г. Это обстоятельство повлияло на то, что среди бывшей тувинской элиты уже было понимание и восприятие того, что ТНР – уже устоявшееся и развивающееся государство, в этой связи невозможно изменить государственное устройство Тувы и присоединиться к Монголии, как этого требовали в 1924 г. в обращениях из хошунов, приводя разные аргументы, вплоть до того, что Тува не может развиваться как самостоятельное государство по причине бедности, малочисленности населения, недостатка образованных людей, способных управлять государством. Такого рода обращения почти одинакового содержания направлялись в 1924 г. управлениями Тес-Хемского, Хемчикского, Каа-Хемского, Тожу-Хольского хошунов в ЦК ТНРП, правительство ТНР, трехстороннюю комиссию (СССР, МНР, ТНР) во время и после Хемчикских событий 1924 г.¹

Другим важным обстоятельством, отличающим условия, в которых происходили два восстания на Хемчике 1924 и 1930 гг., является то, что к 1930 г. в ТНР были сформированы такие важные государственные институты, направленные на обеспечение внешней и внутренней безопасности, как армия и карательный орган УГВПО. Тем не менее вооруженное восстание произошло. Что послужило причиной? Поиск ответа на этот вопрос и определение внешнего и внутреннего контекста событий 1930 г. являются целью настоящей статьи.

Основным *методологическим подходом*, примененным в статье является учет особенностей международной политики в рассматриваемый период. Вооруженное восстание 1930 г. на Хемчике недостаточно рассматривать только в рамках национального государства: причины следует искать не только во внутривнутриполитических процессах в ТНР, которые являются, скорее, следствием, чем первопричиной.

Гипотеза исследования заключается в том, что восстание в Туве является частью процессов, которые происходили в трех государствах – СССР, МНР и ТНР как следствие «левой» политики, выработанной в двух центрах принятия решений – в международной организации Коминтерн и

¹ НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 44, л. 1, 9, 10, 16.

ЦК ВКП(б). Социальные трансформации, резкое изменение социальной структуры общества, смена элит, устранение из политического поля «правых» в результате внедрения в Туве принципов «левой» политики не могло не привести к социально-политическому протесту. Внешней причиной является «левый курс», а реализация «левого курса» в ТНР явилась внутренней причиной восстания. Усиление антирелигиозной борьбы, подрыв экономических и политических основ влияния буддийского духовенства в Туве могло иметь причинно-следственные связи с осложнением внешнеполитических отношений СССР с Японией и Китаем и последующим усилением антирелигиозной политики не только в буддийских регионах Советской России, но и в Монголии и Туве.

Историография и источники

В представленном исследовании в качестве научной базы использованы такие основополагающие исторические работы, написанные советскими учеными, как «История Тувы» 1964 г. [История Тувы 1964], «Очерки истории Тувинской организации КПСС» [Очерки истории..1975], монографии «Коминтерн и революционная Тува» Н. А. Сердобова [Сердобов 1985], «Исторический путь тувинского народа к социализму» [Аранчын 1982], «РСТК И ТНР» Ю. Л. Аранчына [Аранчын 1977]. Эти работы ценны тем, что в них изложены ключевые внутривнутриполитические события, происходившие в Туве в рассматриваемый нами период: VIII съезд ТНРП, II Чрезвычайный пленум ЦК ТНРП, левый курс, борьба с правым уклоном, конфискация имущества, коллективизация аратских хозяйств и др.

Однако следует отметить, что советская историческая литература ограничивается лишь упоминаниями о вооруженных восстаниях 1930-1932 гг., что объясняется нежеланием публично обсуждать масштабы, причины и значение вооруженных выступлений против проводимой политики ТНРП и правительства ТНР. В советской историографии данный вопрос носил «закрытый» характер.

Впервые более подробно эти события были освещены во II томе «Истории Тувы» 2007 г., в котором имеются разделы о вооруженных мятежах на Хемчике 1924 г., 1930 г. и в Тере-Холе 1932 г. [История Тувы 2007]. Вместе с тем, данные события не получили подробного анализа с точки зрения совокупности внешних и внутренних причин, политических последствий.

Специальному исследованию вопроса о восстаниях в ТНР позже была посвящена научная статья И. В. Отрощенко [Отрощенко 2012]. Наиболее полной работой, в которой детально представлены география,

социальный состав рядовых участников, руководителей, причины и ход восстания 1930 г., является исследование А. А. Самдан [Самдан 2020].

Причины, подавление восстания на Хемчике и вооруженного выступления советских граждан внутри РСТК в 1930 г. в Туве исследовались Н.М. Моллеровым в его монографии по истории советской зарубежной колонии в ТНР в 1921-1944 гг. [Моллеров 2022]. Этим же автором исследована политическая роль Управления государственной военно-политической охраны (далее – УГВПО), которое непосредственно занималось анализом внутривнутриполитических угроз и вооруженных выступлений 1930-1932 гг. [Моллеров 2021].

В изучении вопроса о вооруженных выступлениях против политики ТНРП и правительства ТНР большое значение имеет ряд системных работ отечественного востоковеда С.Л. Кузьмина, посвященных восстаниям в МНР в 1930-1932 гг., которые по времени и причинам во многом совпадают с тувинскими восстаниями. [Кузьмин 2015; 2016; Кузьмин, Оюунчимэг 2015 (а); Кузьмин, Оюунчимэг (б)].

Источниковой базой статьи послужили неопубликованные документы Национального архива Республики Тыва (НА РТ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Автор в качестве исторических источников использовала официальные документы ТНРП, законы и материалы Великих Хуралов ТНР.

Отдельные сведения о тувинских событиях и взаимосвязи Хемчикского восстания 1930 г. с антиправительственным выступлением на Западе Монголии, которое сосредоточилось вокруг буддийских монастырей, содержатся в сборнике рассекреченных документов из Центрального архива ФСБ России и архива УФСБ по Омской области, который был подготовлен и издан сотрудниками Института востоковедения РАН в 2019 г. [Монголия в документах из архивов...2019]. В статье также был использован сборник документов «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934) [Монголия в документах Коминтерна...2012].

Анализ газет рассматриваемого периода, издававшихся в ТНР на старомонгольском языке, а также доступных материалов Великих и Малых Хуралов ТНР, съездов ТНРП показал, что события, связанные с вооруженным восстанием 1930 г., практически не описаны. Упоминание о восстаниях на Хемчике 1924 и 1930 гг. мы находим в документе 1938 г. – это материалы IX Великого Хурала ТНР, в котором содержится доклад Совета министров о международном и внутреннем положении². Данное упоминание, как мы считаем, является неслучайным, так

2 НА РТ. Ф. 93, оп. 1, д. 139.

как в рамках раскрытия «заговора» группировки Чурмит-Тажы, в которую был причислен целый ряд высокопоставленных тувинских руководителей, и последовавшей расправы, в идеологическом плане эти события нужно было связать с событиями 1924, 1930 гг. и дать им оценку как противоречащим интересам аратов, тувинского народа. «Злейшие враги аратских масс ТНР – феодально-теократические элементы и контрреволюционеры всех мастей, чтобы вернуть себе отнятые революцией права, никогда не прекращали свою борьбу против национальной революции, чтобы свергнуть революционный строй в стране. Об этом свидетельствуют контрреволюционные восстания на Хемчике в 1924 г. и контрреволюционные восстания в 1930-1932 годах, вылазка правых элементов, находившихся в партии и правительстве вплоть до 1938 года, контрреволюционная организация шпионов, террористов, вредителей, диверсантов во главе с Чурмит-Тажы, Хемчикоолом, Танчаем и др.» – так были объединены в одну типологическую цепь эти события. При этом нужно отметить, что в действительности в случае «группы девяти» не было факта вооруженного выступления против политики тувинского государства и партии, не было социальной базы поддержки в лице ламства, бывших феодалов, чиновников и простых аратов, как это наблюдалось в случаях восстаний в 1924, 1930, 1932 гг.

Внешние причины восстания 1930 г.

Левый курс, начатый в СССР, был перенесен на тувинскую и монгольскую почву. Отторжение левой политики почти синхронно наблюдалось на территории трех государств – СССР, ТНР, МНР. Экономическая политика, направленная на изменение формы и организации хозяйствования через принудительную коллективизацию, ограничение прав духовенства, а также модернизационные новации, ломавшие традиционный уклад и устоявшийся социальный порядок в обществах, привел где-то к взаимоувязанным, где-то только по времени синхронным, выступлениям против этой политики. Содержательно и типологически их объединяет первопричина, мотивы и вооруженный характер, которые были характерны также для восстаний в национальных районах советского государства. В СССР – это вооруженное выступление в Кош-Агачском аймаке Ойротии³ в марте 1930 г. [Дьяченко 2020]. Как указывает Н.В. Дьяченко, помимо коллективизации, избирательных прав были лишены камы (шаманы), ярлыкчи (служители бурханистского культа), зажиточные крестьяне [Там же, с. 85]. Вооруженные крестьянские выступления в 1930 г. имели место и в Бурят-Монгольской

3 Ойротия – Ойратская автономная область РСФСР, ныне – Республика Алтай.

АССР [Курас 2012]. Аналогичные протестные события в этот период происходили не только в приграничных азиатских территориях СССР, но и в Центральной Азии, на советском Крайнем Севере. Восстание и волнения крестьян против коллективизации, которые были подавлены, имели место в 1929-1931 гг. в Киргизии [Арстанов 2011]. Вооруженные восстания коренных народов Севера против коллективизации, дифференцированного налогообложения отдельных групп населения в зависимости от количества личных стад оленей известны как «Таймырское восстание» 1932 г. [Дворецкая 2019].

Таким образом, восстание в ТНР в 1930 г. развивалось в одной логике событий, происходивших в трех государствах, с этой точки зрения оно было частью международного и трансграничного явления. Первопричина восстаний в ТНР и МНР 1930 г. имела внешнее происхождение – переход к **«левой» политике**.

«Левый разворот» в ТНР был инспирирован политическими процессами в СССР и произошел под руководством Коминтерна. Эта организация представляла собой четко структурированный по региональному принципу некий аналог наднационального «мозгового центра» и центра принятия политических решений, координировавшего деятельность коммунистических партий в мире, и прокоммунистических правящих партий в ТНР и МНР. Организация радикального «левого разворота» в Монголии и Туве со стороны Коминтерна не была случайной, а была следствием и реагированием на поражение революции китайских коммунистов, которое было организовано при поддержке командированных в Китай представителей Коминтерна.

В 1926-1927 гг. произошла радикализация позиций китайских коммунистов и поворот влево под влиянием Коминтерна [Системная история...2006, с. 232]. В начале 1927 г. восстание коммунистов, которые намеревались свергнуть военное правительство и захватить Шанхай, было подавлено Чан Кайши при помощи западных держав, 330 тыс. коммунистов и другие «левые» были уничтожены [Там же, 233]. Чан Кайши создал национальное правительство с центром в Нанкине. Многие советские военные советники, сотрудники советских представительств, сотрудники Коминтерна, которые принимали участие в организации выступления китайских коммунистов, после подавления восстания были высланы, а те, кто не имел дипломатического иммунитета – расстреляны [Там же]. В этих условиях Коминтерну важно было в качестве реванша реализовать левый курс в странах своего непосредственного влияния – Монголии и Туве. Стратегическая важность установления левого курса в этих странах заключалась в том, что Монголия граничила с

Китаем, вместе с Тувой оба государства в недавнем прошлом входили в китайскую империю. На «полевание» советско-тувинских отношений после поражения китайской революции указывал Н. М. Моллеров [Моллеров 2005, с. 99-106].

Внутриполитические предпосылки восстания 1930 г.

В ТНР отсчет «левого курса» начинается с VIII съезда ТНРП в 1929 г., на котором присутствовал И. Райтер⁴, который в тот момент был ректором Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), в это время на авансцену тувинской политики впервые в роли одного из лидеров выходит С. Тока, выпускник КУТВ, учрежденного Коминтерном для подготовки тех, кто произведет коммунистическую революцию в странах Востока, тех, кто будет проводником политики Коминтерна. После возвращения на родину деятельность этих выпускников (в 1929 г. выпускником из ТНР был только С. Тока) очень скоро привела к острым социальным конфликтам и трансформациям как в Туве, так и в Монголии. Именно с этого съезда начинаются фундаментальные изменения тувинской политики, экономического курса, социальной структуры общества и состава политико-государственных элит.

Идеологической основой «левого курса» в Туве стала «Платформа левых» ТНРП – документ, составленный в 1928 г. и построенный на острой критике, прежде всего, налоговой политики тувинского правительства. В первую очередь, это касалось государственного налога. Левая платформа призвала немедленно пересмотреть данный налог и ввести дифференцированные ставки «в целях повышения ставок налога на имущество (состоятельного) населения и понижение его с беднейшего населения вплоть до полного освобождения бедняков»⁵. Пересмотра, по мнению левых, требовали принципы налогообложения монастырей и лам. Левая платформа требовала уравнивать монастыри и лам с остальным населением и обложить их налогом на общих основаниях⁶. Третьим пунктом критики стал налог на частную торговлю: требовали немедленного пересмотра ставки налога и последующей ликвидации частной торговли в целях поддержки кооперации. Последним было повышение налога на предметы роскоши⁷. По форме платформа левых

4 Райтер Иосиф Львович (1893-1940) – востоковед, с августа 1927 г. по ноябрь 1928 г. был уполномоченным ИККИ в Монголии, ректор КУТВ с 1928 г., член Общества по изучению Центральной Азии (при КУТВ), где выступал, в частности, с докладом "Тува на новом этапе" (1930). Арестован в 1938 г., расстрелян в 1940 г.

5 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 762, л. 1.

6 Там же.

7 Там же.

ТНРП была экономической, но по смыслу и содержанию – политической, нацеленной на подрыв экономических опор, следовательно, политического влияния бывших феодалов, баев, монастырских хозяйств и лам. А с точки зрения классовой борьбы – установлением социальной справедливости.

Борьба с «правым уклоном» на уровне государственного управления и партии, и как следствие – отрешение от власти бывших феодалов и лам

Борьба с правым уклоном велась не только на уровне идеологии и политики действий, но, прежде всего, на персональном уровне с учетом классовой принадлежности. С этой точки зрения это была, в первую очередь, классовая борьба. Инструментом стали апробированные в советской практике партийные и аппаратные чистки. Так, итоговые данные о чистке рядов ТНРП в 1929-1931 гг. показывают, что, если до чистки членов партии было 2278 чел., то после чистки – 1186, исключено 1092 члена партии⁸.

Борьба с «правыми» привела к первой волне политических репрессий в ТНР. Жертвами стали Буян-Бадыргы, Дондук, Соднам [Моллеров 2021, с. 111]. Отстранению «правых» способствовал резидент ОГПУ П. И. Пышкалло, который прибыл в Туву в 1928 г. Непосредственное отношение к этим процессам имели бывший начальник УГВПО, председатель Малого Хурала ТНР Хемчик-оол; руководитель УГВПО, член Политбюро ТНРП Чурмит-Тажи [Там же, с. 107].

Еще в начале 1929 г. началось внимательное изучение социальной принадлежности высших чиновников тувинского государства, основными показателями которой выступили происхождение, положение, которое они занимали до 1921 г. и количество личных бодо⁹. Так, анализ документа со списком личного состава Тувинского народного правительства с министерствами и некоторых хошунных управлений и комитетов на 6 января 1929 г. показывает, что из членов правительства только один человек был аратского происхождения – Хемчик-оол, председатель Малого Хурала ТНР¹⁰. Остальные: Талха-Сурун, заместитель председателя Совета министров – гун, имел 431 бодо; Буян-Бадыргы, председатель законодательной комиссии – нойон, владел 135 бодо; Шагдыр, председатель – чалан, 30 бодо; Шыырап, министр внутренних дел – лама, 101 бодо; Баазан, министр финансов – захирагчи, 50 бодо; министр юстиции Пунцук – дзанги; Сонам-Байыр –

8 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 281, л. 1.

9 Бодо – единица крупного рогатого скота (1 голова).

10 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 762, л. 3.

главный судебный следователь – захирагчи, 185 бодо; Данжай, министр иностранных дел – мейрен; Чурмит-Тажы, начальник УГВПО – лама, 30 бодо¹¹. Поскольку Чурмит-Тажы и Танчай были левыми, они не подверглись чистке. Такая фиксация происхождения, имущественного положения высшего руководства Тувы не была случайной, именно на них, в первую очередь, были направлены партийно-политические чистки. Среди высших чиновников тувинского государства из 92 человек в результате чистки было исключено 84 человека, из прежнего состава осталось только 8 человек. Состав чиновников низших рангов сохранился почти нетронутым: из 115 человек было исключено только 16. Религиозные деятели были практически полностью вычищены из партии и органов власти: из имевшегося в них 31 шамана не осталось ни одного, из 121 ламы 114 были выведены¹².

16 октября 1929 г. было принято постановление № 46 ЦК ТНРП об исключении из членов ЦК и ЦКК ТНРП на основе доклада комиссии по чистке 16 видных государственно-партийных деятелей, их посчитали богачами, феодалами, нойонами, чиновниками, не соответствующими аратской идеологии. Это были Буян-Бадыргы, Санчай-Доржу, Нармандаху, Шагдыр, Данзырын, Сакты, Баазан, Чамьян, Далаа-Сурун, Самдаа, Сонам, Кылайты, Сундуй, Тунгулак, Нимажап, Дембирел¹³. Этим же постановлением было утверждено решение относительно члена Малого Хурала Куулара Дондука, министра внутренних дел Шыырапа. Обвинив Дондука в тесных связях с верховными ламами Верхнечаданского хурэ Чамзы и Дагданом и в том, что он сам был образованным ламой, было принято решение об освобождении Дондука от занимаемой должности¹⁴. На этом заседании наряду с Тока, Чурмит-Тажы, Пульчуном, Хемчик-оолом и другими принимал участие представитель Коминтерна в ТНР В. А. Богданов.

К моменту начала восстания на Хемчике планировалось приступить по аналогии с ТНРП к чистке рядов Тувинского революционного союза молодежи (ТРСМ). Этим в своих донесениях в Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (далее – ИККИ) объяснял В.А. Богданов участие в вышеназванном восстании ревсомольцев¹⁵.

По сути, в результате чисток произошла достаточно резкая смена тувинской элиты. Как всякая принудительная смена элит, а также сегрегация целых социальных групп, эти процессы не могли не привести

11 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 762, л. 3.

12 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 762, л. 4.

13 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 128. Л. 1.

14 Там же. Л. 1-2.

15 РГАСПИ. Ф 495, оп. 153., д. 37, л. 56.

к недовольству и социальному конфликту, кульминацией которого стало вооруженное восстание.

Обсуждения конфискации имущества феодалов, баев и лам

Конфискация имущества феодалов и лам, проживавших в своих юртах и имевших свое личное хозяйство, и монастырей была одним из самых болезненных процессов в истории ТНР. Восстание 1930 г. предварялось в обществе обсуждениями о надвигающейся конфискации.

Еще в начале января 1930 г. А. В. Богданов обращался к тов. П. А. Мифу в ИККИ за директивами по вопросам конфискации имущества феодалов, лам и монастырей: «Не имею указаний по вопросам конфискации имущества феодалов, баев, лам, монастырей. Сейчас нужна конкретизация этого вопроса. Райтер советовал съездить в Монголию для изучения опыта работы там и переноса в Туву»¹⁶. В марте 1930 г., судя по письмам Богданова, он уже съездил в Монголию и пробыл там более полумесяца. «Пробыл в Монголии 16-18 дней. После переговоров с тов. Кучумовым¹⁷ и Чуцкаевым¹⁸ (представителями правительственной комиссии СССР) по вопросам конфискации имущества феодалов пришли к следующим выводам: признаки хозяйств, подлежащих конфискации (приблизительно) те же, что и в Монголии. Срочно подготовить законодательные и массовые мероприятия по проведению конфискации. В связи с тем, что у нас ламство значительно слабее, то тов. Чуцкаевым и Кучумовым предложено провести полную национализацию имущества монастырей в Туве»¹⁹. Таким образом, неформальное решение о конфискации имущества принимали полпред СССР в МНР С. Е. Чуцкаев, сотрудник ИККИ В. Н. Кучумов, а форсировал данный вопрос представитель Коминтерна в ТНР В. А. Богданов. Однако не все было так просто, для начала конфискационной кампании нужно было получить согласие структуры, которую П. А. Миф и В. А. Богданов называют «инстанцией». И эта «инстанция» занимала более осторожную позицию по данному вопросу, возможно, анализируя, ход событий в Монголии. 16 мая 1930 г. В. А. Богданов (надо помнить о том, что в марте 1930 г. уже началось восстание на Хемчике) еще раз пишет П. А. Мифу: «Для меня остается непонятным вопрос о причинах отсрочки конфискации. 15 июня созывается пленум

16 РГАСПИ. Ф 495, оп. 153., д. 37, л. 37.

17 Кучумов (Майер) Владимир Николаевич – сотрудник Восточного секретариата ИККИ (с 1929) – Монголия в документах Коминтерна. Улан-Удэ, 2012. Ч. II, с. 449.

18 Чуцкаев Сергей Егорович – полпред СССР в МНР, уполномоченный ЦК ВКП (б) в Монголии (1933-1935). Репрессирован. – Монголия в документах Коминтерна. Улан-Удэ, 2012, ч. II, с. 470.

19 РГАСПИ. Ф 495, оп. 153, д. 37, лл. 39, 39 об.

ЦК²⁰. На пленуме будут обсуждаться ... ламский вопрос. Прошу также сообщить ваши разъяснения директив инстанции по ламству. В телеграмме подчеркивается необходимость «предостеречь тувинцев против развертывания борьбы с ламством, чтобы не восстановить против себя всех лам...». Для меня теперь неясно – означает ли эта директива отступление от решений 8-го²¹ съезда»²².

Ответ на эти обращения был направлен только 18 июля 1930 г., однако, судя по ответу, до указанной даты были направлены рекомендации руководству ТНР. «Как вам уже известно, инстанция весной этого года приняла решение, рекомендованное Тувинскому руководству отложить на год проведение конфискации. Инстанция сохранила в силе свое прежнее решение. Наше телеграфное указание по ламскому вопросу было вызвано вашим предложением (согласованным, по вашим словам, с Чуцкаевым и Кучумовым) о проведении полной национализации имущества монастырей в Туве. Мы считали это предложение неверным, преждевременным, способным лишь чрезвычайно затруднить всю нашу работу»²³.

Из письма В.А. Богданова, датированного 18 марта 1930 г., где сообщалось о начавшемся восстании на Хемчике, становится понятно, что к моменту начала восстания уже публично обсуждались вопросы конфискации. «Вспышка восстания относится ко дню окончания выборов в низовые органы самоуправления. Выборы сопровождались лишением избирательных прав /впервые феодалов, баев, лам/, разъяснением вопросов конфискации, проведением кампании изъятия налогов, что необычайно напрягло политическую обстановку»²⁴.

Таким образом, на начало восстания повлиял не сам процесс конфискации, а публичные обсуждения данного вопроса, который весной 1930 г. по настоянию «инстанции» был перенесен по срокам. Решение об отсрочке конфискации было принято ЦК ТНРП уже после восстания – 9 мая 1930 г.²⁵

Лишение политических прав бывших феодалов и лам

Впервые законодательная норма об избирательных правах появилась в Конституции ТНР 1926 г. В соответствии с этой Конституцией избирательные права не предоставлялись ламам, живущим в монастырях [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, с. 61]. Возможность лишения

20 Речь идет о ЦК ТНРП.

21 Имеется в виду VIII съезд ТНРП 1929 г.

22 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 39 об.

23 Там же, л. 53-54.

24 Там же, л. 55.

25 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 40, л. 25-31.

избирательных прав мы видим в документе 1929 г. – Инструкции по применению избирательного права. В инструкции 1929 г. была прописана возможность лишения избирательных прав лам, феодалов, баев, сторонников старых порядков, а также лиц, пользующихся трудом наемных батраков, скотоводов, которые помимо скотоводства занимались скупкой и продажей животноводческого сырья, пушнины, а также тех, кто давал свой скот на удой, оружие для охоты, получающие от этого прибыль, отдающие свой скот на выпас, а также шаманы²⁶. Избирательных прав следовало лишать руководителей восстаний²⁷. Таким образом, список категорий лиц, которых можно было лишать избирательных прав, обширный. Практическая реализация этих норм привела к массовому лишению избирательных прав граждан ТНР, которое впоследствии будет названо «механическим», «необоснованным».

Рассмотрим масштабы лишения избирательных прав перед самыми выборами органов местного самоуправления в начале 1930 г. «Особенно ярко метод механического лишения избирательных прав проявился по Дзун-Хемчикскому хошуну, где весной были политические осложнения. Всего лиц избирательного возраста по этому хошуну 9516 ч., из них было лишено избирательных прав до 2200 ч., т.е. около 23% всего числа избирателей. Лишению избирательных прав подверглись бедняки, середняки за участие в восстании 1924 года, за происхождение из чиновничьей среды, за родство с чиновничеством, за службу у чиновников в качестве писаря, посыльного, за старческий возраст. Этот хошун является центром феодального чиновничества, ламства» - докладывал в ИККИ В. А. Богданов в 1930 г. уже после свершившегося восстания на Хемчике²⁸.

В материалах ЦКК ТНРП содержатся и такие сведения: «Кроме агитации против конфискации имущества феодалов и теократов и умышленного извращения ее смысла, бандиты говорили о том, что партия и Правительство проводят неправильную политику в отношении налога (считали неправильным подоходно-поимущественный принцип), отделения церкви от государства и антирелигиозной пропаганды, считали их разрушающими существующие религиозные традиции и мораль, коллективизацию аратских хозяйств (считали коллективизацию разрушающей частную собственность), - все эти моменты еще дополнялись спекуляцией на вопросах лишения избирательных

26 Songхоqu songхоуdaqu erke – yin tuqay dzivaburi (Инструкция об избирательном праве). На монг. яз. Кызыл: Первое тувинское государственное издательство, 1929. С. 5-6

27 Там же. С.8.

28 РГАСПИ. Ф 495, оп. 153. Д. 37. Л. 69.

прав эксплуататорских элементов (будто бы все лишены подлежат поголовному убою) и на вопросах конфискации феодальных хозяйств (будто бы конфискации подлежат хозяйства баев, середняков и бедняков)»²⁹.

В одном из своих обращений к правительству повстанцы писали: «Мы думаем поговорить по вопросам следующим: ламы уничтожаются, безвинные буржуазные элементы, врачи-ламы, все вышеупомянутые категории лишаются избирательных прав, подвергаются конфискации своего имущества и ссылаются за пределы республики. Услышав вышеупомянутые мероприятия, мы устроили совещание, на котором думали принять (подготовить – *О.Н.*) просьбу³⁰ о помиловании и облегчении по вышеупомянутым вопросам, но не преследуя других целей»³¹.

Полагаем, что в политической практике ТНР впервые был массово применен механизм лишения политических прав тех, кто еще с цинских времен играл существенную социально-политическую и экономическую роль в тувинском обществе: бывших чиновников, лам, феодалов. Неприятие этих процессов усиливались обсуждением вопросов конфискации имущества, антирелигиозной борьбой в целом, а также новыми подходами в налоговой политике тувинского правительства, которая была сформирована под влиянием идеологического содержания платформы левых.

«Ламский вопрос» как один из катализаторов политического протеста в ТНР

«Ламский вопрос» в контексте внутривнутриполитических процессов в ТНР является самостоятельным исследовательским направлением. Мы лишь обозначим ключевые факторы, которые важны в раскрытии причин социально-политического протеста в тувинском обществе в рассматриваемый период. Необходимо, в первую очередь, понять логику подходов советской власти к буддизму и к религиям в целом, от которых зависела политика народно-революционных партий в Туве и Монголии. Ф. Л. Сеницын совершенно справедливо указывает на то, что «буддийский фактор» играл особенно важную роль во внешнеполитическом положении СССР [Сеницын 2012, с. 53]. Как он полагает, речь шла не только об удержании власти в МНР и ТНР,

29 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153, д. 41, л. 12.

30 Полагаем, что в данном случае могли иметь место погрешности перевода со старомонгольского на русский язык. Скорее всего, речь идет о направлении просьбы об ослаблении политики ограничения прав и конфискации имущества у указанных категорий.

31 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 56.

но и о дальнейшем распространении коммунистической идеологии в странах Восточной Азии. В 1929 г. советская политика поставила одной из первоочередных задач противодействие интернациональной роли буддизма, буддизм стал рассматриваться как реакционная сила мирового масштаба. Это было связано также с осложнением отношений с Китаем после поражения коммунистической революции, и тем, что Чан Кайши воспринимался буддистом [Там же, с. 54-55]. Отношение к буддизму в советской внешней политике не могло не измениться в худшую сторону в условиях экспансионистской активности Японии в Восточной Азии, эксплуатации ею идеи панмонголизма, попыток использовать буддизм в качестве политического инструмента для получения лояльности восточных монголов, проживавших на территории Маньчжурии, монголов во Внутренней Монголии для дальнейшего распространения своего влияния на МНР.

Как полагает Батаа Мишигиш, «особое» отношение к монгольскому буддизму со стороны Японии открывало возможность альтернативы коммунизму во Внешней Монголии, в этой связи Япония пыталась не только заручиться широкой поддержкой монголов в разных регионах, но и ослабить политическое давление как со стороны Китая, так и со стороны России (Советского Союза) [Mishigish 2012, с. 49-50]. Япония стремилась распространить свое политическое и культурное влияние среди монгольских этнических групп, таких как буряты, внутренние, восточные и внешние монголы путем поддержки буддизма для получения поддержки политики Японии и распространения антисоциалистических настроений среди монголов [Там же]. Несмотря на то, что эти попытки японцев не увенчались успехом, они серьезно повлияли не только на советскую политику в отношении буддизма внутри страны и во внешней политике, но и на изменение политики в отношении «ламского вопроса» в Монголии и Туве. Полагаем, что именно с этими международными факторами были связаны усиление антирелигиозной борьбы, экономического и политического давления на ламство в рамках «левой» политики, в том числе в ТНР. В условиях возможной угрозы военной интервенции со стороны Японии, специального распространения с ее стороны идей панмонголизма, панбуддизма, ламство в Туве, как и в Монголии, стало расцениваться как политически неблагонадежная часть населения.

Чешский и словацкий исследователи, проводившие сравнительное изучение возрождения тибетского буддизма в странах Внутренней Азии, выделяют следующие хронологические моменты антирелигиозной и антиламской борьбы в Монголии: 1924-1928 гг. – спорадическая кампания

против буддизма, период 1928-1932 гг. – жестокое нападение; 1933-1937 гг. – ослабление, 1937-1941 гг. – уничтожение всех остатков церкви и религии [Bělka, Slobodnik 2002, p.19]. Если экстраполировать этот подход к процессам, происходившим в Туве, то можно обнаружить почти то же самое, но и со своими особенностями: 1921-1925 гг. – сохраняется статус-кво, 1926-1928 гг. – мягкие попытки ограничения влияния ламства и церкви; 1929-1932 гг. – нападение, 1933-1934 гг. – ослабление благодаря «новой политике», 1935-1944 – уничтожение церкви и религии.

Впервые об отделении государства от религии на уровне партийных документов ТНР заговорили в 1925 г. В июле 1925 г. было принято постановление Комиссии Восточного отдела ИККИ по вопросу о программе Танну-Тувинской народной партии³². Проект программы разрабатывался в недрах ИККИ, после рассмотрения на комиссии проект был направлен представителю Коминтерна в ТНР накануне съезда ТНРП. В части религиозных отношений в проект программы, которую должны были обсуждать на съезде, был включен пункт об отделении церкви от государства и отмене принудительного налога на население в пользу религиозных учреждений³³. Однако сразу реализовать на государственном уровне данное положение не удавалось, так как многие государственные деятели начального этапа развития тувинской государственности были сами из ламской среды или получили религиозное образование. Закрепить этот принцип на уровне основного закона государства удалось в 1926 г.

Конституция 1926 г. стала той чертой, за которой постепенно и поэтапно начинается ограничение влияния духовенства, в том числе политического, в тувинском обществе. В содержании данной Конституции впервые использованы такие понятия, как «эксплуатация», «внешние и внутренние поработители», а также противопоставление «феодално-теократических элементов» «трудовому народу». Именно с этой Конституции начинается секуляризация государства: «В целях обеспечения за трудящимися свободы совести – церковь отделяется от государства и религия объявляется частным делом каждого гражданина» [Конституции 1999, с. 41]. В данной Конституции впервые четко было прописано, что ламы (духовенство), постоянно живущие при монастырях, не только не могут быть избраны, но и избирать³⁴.

К концу 1926 г. на территории Тувы насчитывалось 22 буддийских хурэ, общее количество лам составляло 1910 человек, из них постоянно

32 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 2, л. 34-42.

33 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 2, л. 47.

34 Там же. С. 45.

проживало в монастырях 1045 человек (это 54,7 % - О.Н.), 865 монахов – в своих юртах с отдельным хозяйством, будучи прикрепленными к хурэ, в районе которых они находились, а также 580 учеников³⁵. Самым крупным хурэ в ТНР по количеству лам и учеников являлось Верхнечаданское хурэ, в котором постоянно проживало 200 монахов, 100 учеников, еще 200 монахов жили в юртах в близлежащих территориях. Другими крупными монастырями были Нижнечаданский (210 монахов), Самагалтайский (200 монахов), Эрзинский (200 монахов). Как сообщил 1 января 1930 г. А. В. Богданов в ИККИ П. А. Мифу, в Туве в тот момент насчитывалось 24 хурэ, в которых находилось 2761 лама, а по данным буддийского собора 1928 г., в собственности лам находилось 3409 бодо, джас³⁶ – 3858 бодо³⁷.

6 декабря 1927 г. на заседании Совета министров ТНР рассматривался вопрос о ламстве, а докладчиком выступал премьер-министр Куулар Дондук. По итогам доклада правительство приняло решение сформировать комиссию из представителей Малого Хурала, правительства, ЦК партии и УГВПО [Моллеров 2021, с. 105-106]. Перед комиссией была поставлена задача по организации «обновленческого движения»³⁸ по примеру Калмыкии и Бурятии. Главным вопросом комиссии стала подготовка к Всетувинскому буддийскому съезду, который прошел в марте 1928 г.

Попытка использовать опыт Советской России в политико-практической плоскости не увенчалась особым успехом, так как очень скоро наступил переход к «левому курсу». Логика развития государственно-партийной политики и следовавшего за ней законодательного регулирования данной сферы в ТНР шли по пути ограничения влияния буддийской церкви как института, используя методы экономического и политического давления, а также дифференциации внутри духовенства.

С чем еще это было связано? До 1929 г. тувинские ламы отличались рядом важных социально-экономических и политических черт, представлявших угрозу власти левых. Во-первых, ламы были самой образованной частью общества, владели иностранными языками. Во-вторых, каналы коммуникации у тувинских лам выходили за пределы Тувы, высшее духовенство имело не только религиозные, но и политические связи в Монголии и Китае. Через монастырские хозяйства,

35 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 275, л. 1.

36 Джаса (по тувински – чызаа) – монастырское хозяйство.

37 РГАСПИ. Ф 495, оп. 153, д. 37, л. 34.

38 Аналогичное движение было также у монголов, приверженцев которого называли «прогрессистами».

которые в 1921 г. вели, в том числе, внешнюю и внутреннюю торговлю, духовенство сосредоточило в своих руках серьезные экономические ресурсы в виде земли, скота. Духовенство имело авторитет и влияние на население Тувы, с этой точки зрения оно представляло угрозу, прежде всего, партии в конкуренции за духовно-идеологическое доминирование. С момента начала «левого курса» в 1929 г. из 22 действовавших монастырей в 1932 г. остался только один действующий, из 3600 лам – только 15 религиозных деятелей³⁹. Таков был масштаб и темпы социально-политических трансформаций, произошедших в течение четырех лет.

В феврале 1930 г. постановлением Президиума Малого Хурала и Совета Министров ТНР была утверждена инструкция о порядке проведения в жизнь закона об отделении церкви от государства и школ от церкви⁴⁰. Власти поставили задачу закончить в двухмесячный срок национализацию имущества монастырей.

В инструкции о порядке проведения в жизнь данного постановления разъяснялось ключевое положение данного законодательного акта: «все ламские общины, религиозные объединения, общества, группы лишаются прав юридического лица и права собственности»⁴¹. Все имущество, находящееся при монастырях, было разделено на три части: 1. имущество джасы, предназначенное для богослужебных целей и обрядов: храмы, молитвенные дома, внутреннее убранство с изображениями богов, богослужебные предметы; 2. имущество джасы, не предназначенное для богослужебных целей: дома, капиталы, скот, земельные угодья; 3. имущество, составляющее личное имущество отдельных лам⁴². Богослужебное имущество, объявленное достоянием народа, поступало во ведение хошунных управлений; предметы из платины, серебра, золота, парчи, драгоценных камней, шелковые одеяния передавались в министерство финансов ТНР для зачисления в государственный фонд; статуи, изображения бурханов могли быть переданы другим группам верующих; предметы, архивы исторической и художественной ценности – в министерство культуры ТНР⁴³. Скот на основе договора, зарегистрированного в хошунном управлении, передавали на пастьбу (пользование), как правило, беднякам.

По новому земельному закону монастыри и ламская верхушка были лишены прав безвозмездного землепользования, а по налоговому

39 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 93.

40 НА РТ. Ф. 92, оп. 1, д. 352, л. 3.

41 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 761, л. 4.

42 Там же.

43 Там же. Л. 4, 5.

законодательству ламы и монастырские хозяйства облагались прогрессивным подоходно-поимущественным налогом – на основе особого положения⁴⁴.

Помимо ограничения политических и экономических прав ламства законодательно были сужены возможности для ведения ламами религиозной деятельности, строго ограничены были места, где можно было проводить религиозные обряды, церемонии, религиозные собрания. На уровне республики их можно было проводить только с разрешения Президиума Малого Хурала ТНР, религиозные вероучения запрещалось проводить в государственных, общественных и частных заведениях⁴⁵.

В рамках вышеуказанного постановления Малого Хурала ТНР сужение социальной базы религии было осуществлено путем отделения школы от религии и запрета на прием монастырями несовершеннолетних учеников. Обоснование было следующим: «Отделение церкви от государства и школы от церкви признает за каждым гражданином Республики полную свободу совести и полное право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Существующий порядок посвящения в хувараки, ламы и вообще в духовное звание лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, является прямым нарушением свободы совести, завоеванной Аратской революцией 1921 г., передача в хуре несовершеннолетних происходит под принуждением глав семьи или нередко под давлением материальной нужды»⁴⁶. Эти меры представляли собой удар по ламству как социально-политической группе.

Таким образом, законодательно церковь была лишена собственности, экономического и политического влияния, что произошло, без сомнения, без одобрения ламства, представлявшего тогда иерархически и структурно организованную социальную группу. В этом заключался один из важнейших внутривнутриполитических факторов, повлиявших на протестные настроения среди определенной части тувинского населения.

Форсирование коллективизации

Другим ключевым фактором, повлиявшим на назревание событий вооруженного выступления против политики партии и правительства в 1930 г., стала коллективизация, которая затрагивала вопросы собственности и принципы ведения хозяйства аратов – основной массы населения ТНР.

Коллективизация в Туве началась с создания среди аратов товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ). Первые ТОЗы возникли на

44 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 40, л. 49 об.

45 НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 761. Л. 7.

46 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 43, л. 1.

Хемчике в 1929 г., в них входило 36 хозяйств [История Тувы 2007, с. 188]. Коллективизацией к концу 1930 г. было охвачено 1,14 % аратских хозяйств. Это 377 хозяйств, из которых 201 находилось на Хемчике [Там же]. Преимущественная локализация товариществ на территории Хемчика (Дзун-Хемчикский и Барун-Хемчикский хошуны) и восстания на Хемчике в 1930 г. не являются случайными совпадениями.

Историческая этнография Тувы показывает, что к началу XX в. Тува имела уже разложившиеся родовые отношения, из социальной практики ушли такие формы организации хозяйства, как родовая собственность и родовая община. А хозяйственной единицей выступала отдельная семья со своим скотом и имуществом [Кабо 1934, с. 71]. Несмотря на то, что аальная община, как мобильное кочевое поселение из нескольких юрт, продолжала существовать, экономической основой тувинской аальной общины было скотоводческое хозяйство с частной собственностью на скот, жилище (юрту) и на орудия труда, за исключением земли, которая находилась в собственности феодала-нойона [Потапов 1969, с. 130]. В ТНР Конституцией 1926 г. вся земля, недра, леса, воды и их богатства были объявлены общенародным достоянием [Конституции 1999, с. 41]. Скот, жилище (юрта), орудия труда оставались в частной собственности. Коллективизация означала обобществление частной собственности и подрыв фундаментальных основ хозяйственной деятельности аратов. Новая форма организации скотоводческой экономики не вписывалась в устоявшийся в обществе порядок. С этой точки зрения коллективизация вызвала сопротивление и острое неприятие. Выводы о преждевременности начала форсированной коллективизации будут сделаны только в 1933 г. под нажимом Коминтерна, когда за Хемчикским восстанием и вооруженным выступлением советских граждан в ТНР в 1930 г. (Подхребтинское восстание или еще называют условно «кулацким восстанием») последовало Тере-Хольское восстание 1932 г.

Роль политических слухов, фигура Панчен-Богдо

Помимо вышеуказанных причин следует отдельно указать на роль слухов, которые по содержанию рушили остатки представлений о привычных законах общества, морали, религии. Другая категория слухов, наоборот, давала надежды и вдохновляла. В совокупности эти слухи в условиях отсутствия стабильных и достоверных каналов получения информации, в том числе официальной, послужили катализатором восстания. Несмотря на то, что тувинские газеты существовали, они не имели массового охвата, равно как и старомонгольский язык, на котором они выходили, был малодоступен для большинства населения. Так, например, перед восстанием на Хемчике в 1930 г. активно циркулировали

слухи о том, что «в Туве хотят ликвидировать религию и насадить животную мораль; лишенцам⁴⁷ предстоит убой и ссылка за границу; всем участникам Сумунакского восстания⁴⁸ (1924 г.) и лицам, причастным к нему, а также всем шаманам и ламам предстоит неизбежный убой»⁴⁹. Эти слухи в материалах Центрального контрольного комитета (ЦКК) ТНРП, направленных в Исполнительный комитет Коминтерна, официально рассматривались в качестве мотива восстания на Хемчике 1930 г.

В истории восстаний в ТНР и МНР в 1930-е гг. определенную роль сыграла фигура Панчен-Богдо⁵⁰, слухи о котором давали повстанцам ложные надежды на помощь. Кем был для монголов и тувинцев Панчен-Богдо? Это имя довольно часто фигурировало в разного рода донесениях, которые направлялись в ИККИ большей частью из Монголии. Рассмотрим некоторые из них, касающиеся его активности на границе МНР. В письме М.Б. Черномордика, представителя Коминтерна в Монголии, в ИККИ от 27 августа 1931 г. указывалось на осложнение обстановки на границах с Китаем: «Положение у нас не из блестящих. Острота классово-борьбы сильно возросла. С другой – агрессия Монголо-Тибетского комитета и Японии все время возрастает. Вы, вероятно, знаете о том, что Панчен-Богдо назначен членом Нанкинского правительства⁵¹ и получил субсидию в полмиллиона долларов на свои расходы. После посещения Нанкина он приехал в Хайлар-Барга⁵². Там он ведет большую работу при открытой демонстративной помощи со стороны японского консула». М. Б. Черномордик далее сообщал о том, что идет петиционная кампания от пограничного населения МНР к Панчен-Богдо с ходатайствами об избавлении, что однотипность этих обращений говорит о том, что этим движением дирижирует кто-то один, а также о том, что идет усиленное эмигрантское движение из Монголии в Китай [Монголия в документах Коминтерна.. 2012, с. 173-174].

О предпринимаемых Панчен-Богдо действиях сообщалось в другом докладе М. Б. Черномордика в ИККИ 30 ноября 1931 г.: «Панчен-

47 Имеются в виду лица, лишенные избирательных прав. Это были в основном представители высшего духовенства и бывшие феодалы, их дети.

48 Сумунакским восстанием называют в некоторых случаях восстание на Хемчике 1924 г. по имени одного из его предводителей – Сумунака.

49 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 41. Л. 10-18.

50 Панчен-Богдо VI – Панчен-лама (Банчин Богд) (1882–1937), второй по значению после Далай-ламы иерарх ламаистской церкви. – Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) Часть II (1930–1934). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2012. С. 456.

51 Нанкинское правительство (Национальное правительство Китая) было учреждено в феврале 1928 г. на IV Пленуме ЦИК Гоминьдана, которое возглавил Чан Кайши.

52 Хайлар – столица монгольского района Барги на территории Внутренней Монголии.

Богдо объехал почти все районы, пограничные с Монголией, собирал людей, собирал средства, оружие и завершил это дело большим съездом в Хайларе». Все это не могло не отразиться на классовой борьбе, происходящей внутри Монголии. Монастырские, феодальные элементы, казаки белогвардейцы значительно консолидировались в настоящее время, целый ряд фактов говорит о посылке специальных делегаций Панчен-Богдо, организация писем с многочисленными подписями» [Там же, с. 212]. Примерно такие же оценки влияния Панчен-Богдо на внутренние процессы в МНР передавал инструктор ЦК МНРП Приезжев в Восточный секретариат ИККИ 7 февраля 1932 г., говоря о том, что Убур-Хангайские контрреволюционеры, выступившие в июле 1931 г., завязали связь с Панчен-Богдо, «с этим глашатаем и организатором японской интервенции против МНРП, эмигрантского движения в западных аймаках в Синьцзянь» [Там же, с. 227].

Эти выдержки из докладов важны для понимания того, что Панчен-Богдо не находился на территориях МНР и ТНР, и не мог быть непосредственным организатором восстаний в МНР и ТНР, но слухи о его действиях могли давать недовольной части бывшей элиты, чье экономическое и политическое положение ухудшилось, иллюзии того, что за ним военная сила, которая может помочь свергнуть власть партии и противостоять ее политике.

Данных, указывающих на прямые контакты Панчен-Богдо с тувинцами в 1930-1932 гг. также не обнаружено, за исключением упоминания одного тувинского ламы в докладной записке Управления государственной внутренней политической охраны (УГВПО) для представления в ЦК АРП и Правительство после Тере-Хольского восстания 1932 г.: «Вскрытие контрреволюционной организации и группировки в майскую (1932) операцию, показали, что основную организующую роль (выполняло), и идейным вдохновителем этих организаций и группировок являлось ламство, которое продолжает жить чаяниями скорого возвращения в ТАР реакционера Догдан-Хамбу⁵³, бежавшего из Тувы в 1924 г. и

53 Догдан-Хамбу, Тактан-Камбы и Докданмай-Камбо один и тот же человек – тувинский религиозный деятель, его судьба после бегства из Тувы вследствие подавления восстания на Хемчике в 1924 г. неизвестна. Его имя фигурирует в нескольких документах. В докладной записке МВД ТНР указывается, что он с Буяном-Бадырды и Дондуком поддерживал непосредственную связь с китайской партией Гоминьдан, именно в результате их переговоров с китайским правительством в Туву были введены китайские войска, а в Чадаане назначен китайский уполномоченный (НА РТ, ф.1, оп. 1, д. 1600, л. 2). Речь идет о событиях 1924 г. В исторических исследованиях его личность также не раскрыта. В монографии М. В. Монгуш «История буддизма в Туве» указывается, что соратник Буяна-Бадырды и камбы-ламы Ондара Чамзы лама Дагдан эмигрировал в Монголию в начале 1930-х гг. (Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирск:

находящегося сейчас при Панчен - Богдо»⁵⁴. Достоверных данных о том, что Догдан-Хамбу находился рядом с Панчен-Богдо, также нет.

Тувинским повстанцам в 1930 г. ложные надежды давали следующие слухи: «Панчен-Богдо с миллионным войском занял Улан-Батор; Докданмай-Камбо /лама/ с 500-ми войсками прибыл в Улясутай; Монгольская революционная партия уже разбита; Улан-Батор занят врагами революции; Москва и Ленинград уже разбиты и заняты международным империализмом; Монгольские и тувинские богачи везде и повсюду сплотились и сгруппировались. Не одни мы подняли восстание»⁵⁵.

Эти слухи отражали желаемую картину, но не реальную, насаждали веру в спасителя в лице Панчен-Богдо, который придет со своим войском и дарует свободу. Следует отметить, что ожидание прихода мессианской фигуры Панчен-Богдо имело место и среди повстанцев в Монголии. Б.-О. Элдэв-Очир⁵⁶, секретарь ЦК МНРП, начальник Государственной внутренней охраны МНР, так писал о восстании в мае 1930 г. в Западной Монголии: «...слухи о восстании шаргалдайских киргизов в СССР, о скоплении китайских войск в районе монастыря Шарада-Харгана на границе Урянхая, якобы нахождения среди них умершего брата дербетского Далай-Хана, агитация захирагчи Аюра и Барду о движении на Улан-Батор Панчен-Богдо с многочисленным войском во главе восставших, слухи о совместном выступлении населения Баян-Мандальского хошуна с сойот-урянхайцами, расположение хошуна – сопредельно с Тувой, СССР, Синьцзяном послужили сигналом к восстанию...» [Монголия в документах из архивов...2019, с.302].

Использование имени Панчен-Богдо, который не имел прямого отношения к тувинским и монгольским событиям как 1930, так и 1932 гг., не было случайностью с точки зрения психологии масс. Э. Э. Шульц, исследуя радикальные массовые формы социального протеста, использовал теорию Э. Берна об эвгемерах и их мобилизующей роли. По Берну, эвгемеры начинают играть особую роль «во времена стресса» социума [Шульц 2018, с. 241]. «Если кто-то опасно нападает

Наука. 2001. С 110), что не совпадает с цитируемым выше документом. В резолюции по докладу Чурмит-Тажы о борьбе с правой опасностью в партии, который он сделал 8 июня 1930 г. в Дзун-Хемчикском хошуне, есть также упоминание о нем: «Хамбо-Дагдан – китайский посланник, в одно время завоевал право управлять Тувой и благодаря революции сбежал, куда – неизвестно» – НА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 762, л.21.

54 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 55. Л. 32.

55 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 41. Л. 10-11.

56 Элдэв-Очир (Бат-Очирын Элдэв-Очир; 1905–1937), окончил КУТВ. В 1930–1932 был начальником ГВО МНР (Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2012. С. 472).

на групповую структуру – снаружи или изнутри, так, что обычными методами не удастся справиться с неприятностями, - призывают на помощь эвгемеров» [Там же]. Шульц считает, что речь идет о религиозных или исторических канонизированных фигурах [Там же]. Полагаем, что именно в такой роли выступила фигура, вернее, слухи о Панчен-Богдо. Идея о Панчен-Богдо, который придет с войском для освобождения, на почве религиозных верований была воспринята с надеждой в почти безвыходной ситуации, когда помощи, способной изменить ситуацию в Туве или Монголии, неоткуда было ожидать.

Таким образом, утверждения ЦКК ТНРП о том, что внешним организатором и идейным вдохновителем восстания являлся Панчен-Богдо IX, а планы последнего в Монголии и Туве реализовали феодальные элементы, были безосновательны, что было на примере Монголии доказано С. Л. Кузьминым и Ж. Оюунчимэг в монографии «Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г.» [Кузьмин, Оюунчимэг 2015, с. 127-161].

Само восстание на Хемчике 1930 г. тоже стало поводом для слухов среди монголов, согласно которым тувинские повстанцы достигли больших успехов. Вышеупомянутым монгольским дзахиракчи Аюром в конце марта 1930 г. был составлен текст обращения в аймачное управление такого содержания: «Ламская и светская масса Тогс-Буянт-ульского хошуна отдает честь Чандмань-ульскому аймачному управлению. За последнее время население сопредельной Танну-Тувинской Республики путем внезапного восстания арестовало и заключило под стражу всех высших и низших должностных лиц страны, как в центре, так и на местах, захватив в свои руки все учреждения, а также постановило упразднить прежнюю систему управления и теперь же на новых началах организовать равноправную партию. Об этом они неоднократно сообщали нам путем посылки извещений и устной передачи, призывая к одинаковому действию» [Монголия в документах из архивов..2019, с. 302].]

Как видно из этого обращения, информация о восстании в Туве у монголов была сильно преувеличена и не соответствовала действительности как по масштабам восстания, так и по результатам и мотивам. Возможно, переоценка монголами имеющихся ресурсов у тувинских повстанцев явилось причиной того, что 27 марта 1930 г. за получением вооруженной помощи в 50-100 цириков⁵⁷ и оружия на 500 человек выехал в Туву бывший захиракчи Гутхар Бато Джаргал. Предполагалось также «для связи с западом послать делегации в

57 Цирик – монг. солдат, военнослужащий.

Урянхай к нойону да-ламе Чултэму»⁵⁸ [Монголия в документах из архивов..2019, с. 303]. Эти планы не были осуществлены. По этим данным прослеживается связь, которая существовала между повстанцами двух сопредельных государств. Исходя из хронологии, можно утверждать, тувинские события послужили спусковым крючком для активных политических действий на Западе в Монголии в 1930 г.

Трансграничный характер восстания 1930 г.: Тува и Монголия

Необходимо отметить, что в одной увязке действовали не только мятежники, но и армейцы двух стран. С этой позиции показательно то, что оставшиеся разрозненные группы тувинских повстанцев, пересекших тувинско-монгольскую границу, которым не удалось бежать дальше в Синьцзян, в результате преследования были пойманы и переданы монгольской армией тувинской стороне. «Совершенно не случайно то мнение, что переход на территорию Монголии тувинских повстанцев в районе р. Бакиль в составе около 80 вооруженных бандитов, 120 юрт (512 человек) и до 10 000 голов разного скота совпал с моментом восстания Тогс-Буянт и Улангома. Тувинские повстанцы открыто говорили о том, что они уже объединились и устанавливают совместное управление. Основная масса тувинцев в числе 28 человек, вооруженных руководителей, все юрты и скот были задержаны и переданы на границе преследовавшему их красному отряду. Из оставшихся бандитов постепенно, в результате длительного преследования были задержаны до 72 бандитов с оружием в руках и также переданы тувинскому отряду. Оставшаяся головка в числе 12 человек преследуется» [Монголия в документах из архивов..2019, с. 306].

Из доклада Элдэв-Очира известно, что какой-то части тувинских повстанцев удалось бежать в Синьцзян, на территорию Китая. Военное положение, объявленное в связи с восстаниями на западной границе Монголии, было снято после завершения операции по поимке беглецов: «Теперь с уходом за Алтай остатков тувинских банд в числе 11 человек (один из 12, убивший уполномоченного ГВО, Гомбо, задержан в Тогс-Буянт (и ликвидацией отдельных беглецов во всем аймаке восстановлено мирное положение), приказ о снятии военного положения издан 8 мая с.г., и расформированы отряды специального

58 Возможно, в данном случае ошибочно передан сан данного ламы. Из литературы известно имя ламы Чаа-Хольского хурээ Сульдума Пунцука, который на Всетувинском буддийском съезде в 1928 г. был избран председателем съезда. – См.: Монгуш М.В. История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука. 2001. С. 103. Однако, предполагаем, что в данном документе, возможно, речь шла о да-ламе Чултэме, управлявшем тремя хошунами алтайских тувинцев в Синьцзяне.

назначения в Тогс-Буянт и Улангоме с оставлением необходимой силы для несения караульной службы в каждом пункте»[Там же, с. 311].

Безусловно, антиправительственные и антипартийные вооруженные выступления на Хемчике и в Западной Монголии были взаимосвязаны, имели схожие мотивы. Если рассматривать с хронологической точки зрения, то восстание в Туве возникло на 2 месяца раньше – в марте 1930 г., чем в Монголии. С этой позиции можно считать, что восстание, вспыхнувшее на Хемчике, определенным образом повлияло на последовавшие монгольские события. В монгольских документах, как выше указано, есть сообщения о том, что существовали предварительные договоренности о синхронных действиях, направленных против правящей власти народных революционных партий двух стран.

Восстание в Туве было воспринято в Западной Монголии как сигнал к активным действиям. Об этом свидетельствуют телеграммы Тайширского аймачного комитета (Очержаб, Дамгин): «Ламы Ботончинского монастыря и население окружающих сомонов постановили, в целях защиты религии не подчиняться распоряжениям правительства. Повстанцы стремятся установить связь с китайцами. Среди населения известно уже о контрреволюционном выступлении в Танну-Туве»⁵⁹.

Трансграничный характер восстания на Хемчике 1930 г. заключался не только в связях и взаимном инспирировании с монгольскими повстанцами, но и в том, что участники, уходя от преследования в Туве, физически пересекли границу и находились на территории сопредельного государства Монголии, кто-то из них пересек монголо-китайскую границу. В их поимке участвовала монгольская сторона, так как повстанцы были общей угрозой официальной власти и партии ТНР и МНР. Начальник ГВО МНР Элдэв-Очир телеграфировал в ИККИ следующее: «Получены сведения, что тувинские повстанцы около 50 человек во главе с неким Барима находятся в местности Баян-Жируха. Повстанцы вооружены, будто бы 11 винтовками, 3 берданами, 2 германскими карабинами и пулеметом. Повстанцы имеют следующее имущество: 40 юрт, в которых в общей сложности живут около 500 человек, 1100 лошадей, 1200 рогатого скота, 10 000 баранов. Главари повстанцев в числе 14 человек пойманы нами и переданы тувинским властям. При допросе пойманных выясняется, что повстанцы имеют связь с Тогс-Буянтынскими контрреволюционерами»⁶⁰. В последующих телеграммах он сообщал о том, что борьба с остатками тувинских повстанцев ведется в местности Баян-Жируха, что главари Улангомского

59 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 41, л. 3.

60 Там же.

восстания в числе 14 лам, 5 аратов 15 числа расстреляны, арестовано 17 лам, а на тувинской границе банда еще не ликвидирована⁶¹.

Политические уроки восстания 1930 г.

После восстания 1930 г. по рекомендации Коминтерна стали более дифференцированно относиться к ламству, поддерживая выход в светское состояние лам, занимающих более низкие позиции в церковной иерархии. В ЦК ТНРП все вопросы, связанные с восстанием, были обсуждены и решено принять отсрочку конфискации, проводить работу среди батрачества и бедноты, исправлять допущенные ошибки на местах, уточнять вопросы антирелигиозной борьбы и конфискации⁶².

Ряд мер, принятых ТНРП и органами власти после восстания, указывают на понимание с их стороны того, что перегибы в борьбе с ламством и в антирелигиозной политике стали одной из причин антиправительственного выступления.

В целом, однако, следует отметить, что в сущности это была видимость политических выводов. Содержание левой политики после восстания 1930 г. принципиально не изменилось: отсроченная конфискация чуть позже состоялась, об этом свидетельствуют документы 1931 г., содержащие итоги работы хошунных комиссий по формированию списков лиц, чье имущество подлежит конфискации. Антирелигиозная политика продолжилась, под экономическим и политическим давлением монастыри, лишённые прав юридического лица и собственности, продолжили активно самороспуск. Шла коллективизация. Серьезный отход от левого радикализма будет сделан только в 1933 г. под жесткой критикой действий ТНРП, тувинского правительства со стороны Коминтерна, когда III чрезвычайная сессия Малого Хурала (28 октября – 3 ноября 1933) вынуждена была в своем обращении к народу публично признать допущенные ошибки.

Заключение

Восстание на Хемчике 1930 г. во многом стало следствием «левой» политики, которая внедрялась под руководством Коминтерна. При ее практической реализации в Туве возникли серьезные проблемы с легитимностью действующей власти государства и партии в Туве. Легитимность, как подчеркивал Э. Шульц, определяется не столько законностью, сколько представлением о законности и справедливости здесь и сейчас, а не в абстрактных понятиях [Шульц 2018, с 239]. Если использовать такой подход к легитимности власти в осмыслении социально-политических протестных явлений

61 Там же. Л. 7.

62 РГАСПИ. Ф 495, оп. 153, д. 37, л. 56.

в истории ТНР, можно сказать, что действия, направленные на формирование нового политического неравенства, когда по принципу социального происхождения, социального статуса лишали граждан политических прав; изъятие частной, монастырской собственности; подрыв экономических и политических основ буддийской церкви и ее служителей; обобществление хозяйств аратов; изменение состава элиты не соответствовало представлениям о законности и справедливости у определенной части тувинского общества.

Внешним фактором, повлиявшим на начало антирелигиозной борьбы, насильственного изменения статуса буддийской церкви в системе общественных отношений и ее экономической базы, явилось осложнение международной обстановки в Восточной Азии, в связи с которым ламство в Туве, Монголии стали подозревать в возможных связях с иностранными государствами.

Эти события закономерно привели к крайней форме социально-политического протеста – вооруженному восстанию, которое выходило за пределы национального государства и приобрело транснациональный характер.

Политические выводы по результатам восстания 1930 г. были сделаны во многом формально, об этом свидетельствует не утихавшая так называемая «контрреволюционная» активность в южной и центральной частях Тувы в 1931-1932 гг. и новое вооруженное восстание в Тере-Холе в 1932 г.

Литература:

1. Аранчын 1982 – Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск. 1982. 339 с.
2. Аранчын 1977 – Аранчын Ю. Л. РСТК И ТНР / Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы. Кызыл: ТНИИЯЛИ. 1977. С. 72-89.
3. Арстанов 2011 – Арстанов С. А. Восстание и волнение крестьян в Кыргызстане против политики советских властей в аилах // Известия вузов. 2011. №9. 158-160.
4. Дворецкая 2019 – Дворецкая А. П. Таймырское восстание 1932 г. в документах ГАКК / Арктика 2019: традиции, инновации, экология, безопасность, проблемы коренных малочисленных народов. Материалы международной научно-практической конференции. 2019. Красноярск: КГАУ. С. 191-194.
5. Дьяченко 2020 – Дьяченко Н. В. Восстание в Западной Монголии и Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области РСФСР в 1930 г. как последствия коллективизации и антирелигиозной борьбы // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. №44. 83-88.
6. История Тувы 1964 – История Тувы. В 2 т. – Т. II / отв. ред С. К. Тока. Москва: Наука, 1964. 455 с.
7. История Тувы 2007 – История Тувы: В 3 т. – Т. II / Под общей ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
8. Кабо 1934 – Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Л., 1934. 202 с.
9. Кузьмин 2015 – Кузьмин С. Л. Западно-монгольское восстание 1930 г. в защиту религии // Религиоведение. 2015. №1. С. 53-59.

10. Кузьмин 2016 – Кузьмин С. Л. О роли иностранных влияний на восстания против строительства социализма в Монголии // Научный диалог. № 1 (49). 2016. С. 225–233.
11. Кузьмин, Оюунчимэг 2015 – Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж.. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: ИВ РАН. 2015. 212 с.
12. Кузьмин, Оюунчимэг 2015 – Кузьмин С. Л., Ж. Оюунчимэг. Хубсугульское восстание 1932 г. в Монголии // Восток (Oriens). 2015. № 3. С. 47-62.
13. Моллеров 2021 – Моллеров Н. М. Деятельность Управления государственной внутренней политической охраны по защите безопасности и суверенитета Тувинской Народной Республики (1925-1934 гг.) / Аранчыновские чтения. Материалы III-IV чтений. Кызыл. 2021. С. 93-116
14. Моллеров 2022 – Моллеров Н. М. История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.). Кызыл: ТИГПИ при Правительстве РТ. 2022. 375 с.
15. Моллеров 2005 – Моллеров, Н.М. История советско-тувинских отношений (1917-1944 гг.). М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 324 с.
16. Моллеров, Натсак, Самдан 2021 – Моллеров Н. М., Натсак О. Д., Самдан А. А. По пути народовластия: представительско-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). Абакан, 2021. 297 с..
17. Монгуш 2001 – Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука. 2001. 198 с.
18. Монголия в документах из архивов 2019 – Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922-1936 гг.). М.: ИВ РАН. 2019. 526 с.
19. Монголия в документах Коминтерна 2012 – Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) . Часть II (1930–1934). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2012. 456 с.
20. Конституции 1999 – Конституции Тувы 1921-1993 гг. Сост. В.А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1999. 216 с.
21. Курас 2012 – Курас Л. В. Деятельность спецслужб Бурят-Монголии в 1929-1933 годы // Вопросы теории и истории государства и права. 2012. №2 (57). С. 7-14.
22. Отрощенко 2012 – Отрощенко И. В. Из истории протестного движения в ТНР первой половины 1930-х гг. // Новые исследования Тувы. 2012. №2. С. 74-85.
23. Очерки истории 1975 – Очерки истории Тувинской организации КПСС. Отв. ред. Г. Ч. Ширшин. Кызыл: ТНИИЯЛИ. 1975. 405 с.
24. Потапов 1969 – Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 1969. 402 с.
25. Самдан 2020 – Самдан А. А. Вооруженное восстание в Туве в 1930 г. // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 66–80. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.5.
26. Сердобов 1985 – Сердобов Н. А. Коминтерн и революционная Тува. Кызыл: ТНИИЯЛИ. 1985. 238 с.
27. Сеницын 2012 – Сеницын Ф. Л. «Буддийский фактор» во внешней политике СССР в Дальневосточном регионе (1925-1945) // Вестник ДВО РАН. 2012. №1. С. 33-59.
28. Системная история 2006 – Системная история международных отношений в двух томах. Том первый. События 1918-1945 годов. Под ред. проф. А.Д. Богатурова. М.: Культурная революция. 2006. С. 232.
29. Шульц 2018 – Шульц Э. Э. Радикальные массовые формы социального протеста и проблемы легитимности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Том 20, №2. С. 237-245.
30. Bělka, Slobodnik 2002 – Bělka, L., Slobodnik, M. (2002) The Revival of Tibetan Buddhism in Inner Asia: a Comparative Perspective, Asian and African Studies, 11, p. 15-36.
31. Mishigish 2012 – Mishigish, B. (2012) Japan's Involvement in the Promotion of Mongol Nationalism through Buddhism 1918-1939, Ritsumeikan Journal of Asia Pacific Studies, vol. 31, November, p. 39-50.

References:

1. Aranchyn, Yu. L. (1982), "Istoricheskiy put' tuvinskogo naroda k socializmu" [The Historical Path of the Tuvan People to Socialism], Novosibirsk, 339 p. (In Russ.).
2. Aranchyn, Yu. L. (1977), "RSTK i TNR" [The Russian Self-Governing Labor Colony and the Tuvan People's Republic], Velikij Oktjabr' i problemy novejshej istorii Tuvy, Kyzyl, TNIYALI,

- p. 72-89. (In Russ.).
3. Arstanov, S. A. (2011), "Vosstanie i volnenie krest'jan v Kyrgyzstane protiv politiki sovetskih vlastej v ailah" [Rebellion and Unrest of Peasants in Kyrgyzstan against the Policy of the Soviet Authorities in Villages], *Izvestija vuzov*, no. 9, p. 158-160. (In Russ.).
 4. Dvoreckaya, A. P. (2019), "Tajmyrskoe vosstanie 1932 g. v dokumentah GAKK" [The Taimyr Riot of 1932 in the documents of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory], *Arktika 2019: traditsii, innovatsii, ekologiya, bezopasnost', problemy korennykh malochislennykh narodov. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Krasnoyarsk: KGAU, p. 191-194. (In Russ.).
 5. Dyachenko, N. V. (2020), "Vosstanie v Zapadnoj Mongolii i Kosh-Agachskom ajmake Ojrotskoj avtonomnoj oblasti RSFSR v 1930 g. kak posledstvija kollektivizacii i antireligioznoj bor'by" [The Riot in Western Mongolia and in the Kosh-Agach Aimag of the Ojrot Autonomous Region of the RSFSR in 1930 as the Consequences of Collectivization and Anti-Religious Struggle], *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 44, p. 83-88. (In Russ.).
 6. "Istorija Tuvy" (1964), [History of Tuva] in 2 volumes, vol. II, ed. by S. K. Toka, Moscow, Nauka, 455 p. (In Russ.).
 7. "Istorija Tuvy" (2007), [History of Tuva], in 3 volumes, vol. II, ed. by V. A. Lamin, Novosibirsk, Nauka, 430 p. (In Russ.).
 8. Kabo, R. (1934), "Ocherki istorii i jekonomiki Tuvy" [Essays on the History and Economy of Tuva], Leningrad, 202 p. (In Russ.).
 9. Kuzmin, S. L. (2015), "Zapadno-mongol'skoe vosstanie 1930 g. v zashhite religii" [The West Mongolian Uprising of 1930 in Defense of Religion], *Religiovedenie*, no. 1, p. 53-59. (In Russ.).
 10. Kuzmin, S. L. (2016), "O roli inostrannykh vlijanij na vosstanija protiv stroitel'stva socializma v Mongolii" [On the Role of Foreign Influences on Uprisings against the Construction of Socialism in Mongolia], *Nauchnyj dialog*, no. 1 (49), p. 225-233. (In Russ.).
 11. Kuz'min, S. L. and Ojuunchimjeg, Zh. (2015) a, "Vooruzhennoe vosstanie v Mongolii v 1932 g." [Armed Uprising in Mongolia in 1932], *M., IV RAN*, 212 p. (In Russ.).
 12. Kuz'min, S. L. and Ojuunchimjeg, Zh. (2015) b, "Hubsugul'skoe vosstanie 1932 g. v Mongolii" [The Khubsugul Uprising of 1932 in Mongolia], *Vostok (Oriens)*, no. 3, p. 47-62. (In Russ.).
 13. Kuras, L. V. (2012) "Dejatel'nost' specsluzhb Burjat-Mongolii" [The activities of the special services of Buryat-Mongolia in 1929-1933], *Voprosy teorii i istorii gosudarstva i prava*, no. 2 (57), p. 7-14.
 14. Mollerov, N. M. (2021), "Dejatel'nost' Upravlenija gosudarstvennoj vnutrennej politicheskoi ohrany po zashhite bezopasnosti i suvereniteta Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1925-1934 gg.)" [Activity of the State Internal Political Security Department for the Protection of Security and Sovereignty of the Tuvan People's Republic (1925-1934)], *Aranchynovskie chtenija, Materialy III-IV chtenij*, Kyzyl, p. 93-116. (In Russ.).
 15. Mollerov, N. M. (2022), "Istorija sovetskoj zarubezhnoj kolonii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921-1944 gg.)" [History of the Soviet foreign colony in the Tuvan People's Republic (1921-1944)], *TIGPI pri Pravitel'stve RT*, Kyzyl, 375 p. (In Russ.).
 16. Mollerov, N.M (2005), "Istoria sovetsko-tuvinskih otnoshenij (1917-1944 gg.)", [History of Soviet-Tuvan Relations (1917-1944)] Moscow, Publishing House of Moscow University for the Humanities, 324 p. (In Russ.).
 17. Mollerov, N. M., Natsak, O. D. and Samdan, A. A. (2021), "Po puti narodovlastija: predstavitel'no-zakonodatelnaja vlast' Tuvy (predparlamentskij period)" [On the Path of Democracy: Representative Legislative Power of Tuva (Pre-Parliamentary Period)], Abakan, 297 p. (In Russ.).
 18. Mongush, M. V. (2001), "Istorija buddizma v Tuve" [History of Buddhism in Tuva], Novosibirsk, Nauka, 197 p. (In Russ.).
 19. "Mongolija v dokumentah iz arhivov FSB Rossii (1922-1936 gg.)" (2019), [Mongolia in Documents from the Archives of the FSS of Russia (1922-1936)], *M., IV RAN*, 526 p. (In Russ.).
 20. "Mongolija v dokumentah Kominterna (1919-1934)" (2012), [Mongolia in the Documents of the Comintern (1919-1934)], part 2 (1930-1934), Ulan-Ude, BNC SO RAN, 480 p. (In Russ.).
 21. "Konstitucii Tuvy 1921-1993 gg.: sbornik k 55-letiju prinjatija Tuvy v sostav SSSR i RSFSR"

- (1999), [Constitutions of Tuva: a Collection Published for the 55th Anniversary of Tuva's Accession to the USSR and RSFSR], comp. by V. A. Dubrovsky, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 216 p. (In Russ.).
22. Otroshchenko, I. V. (2012), "Iz istorii protestnogo dvizhenija v TNR pervoj poloviny 1930-h gg." [About the History of Protest Movement in the Tuvan People's Republic in the First Half of the 1930s], *Novye issledovanija Tuvy*, no. 2, p. 74-85. (In Russ.).
23. "Ocherki istorii Tuvinskoj organizacii KPSS" (1975), [Essays on the History of the Tuvan Organization of the CPSU], *TNIJALI*, Kyzyl, 405 p. (In Russ.).
24. Potapov, L. P. (1969), "Ocherki narodnogo byta tuvincev" [Essays on the National Life of Tuvans], M., Nauka, 402 p. (In Russ.).
25. Samdan, A. A. (2020) Vooruzhennoe vosstanie v Tuve v 1930 g. [Armed uprising in Tuva in 1930], *The New Research of Tuva*, no. 3, p. 66-80. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.5. (In Russ.).
26. Serdobov, N. A. (1985), "Komintern i revoljucionnaja Tuva" [Comintern and Revolutionary Tuva], *TNIJALI*, Kyzyl, 238 p. (In Russ.).
27. Sinicyn, F. L. (2012), "Buddijskij faktor" vo vneshej politike SSSR v Dal'nevostochnom regione (1925-1945) ["The Buddhist Factor" in the Foreign Policy of the USSR in the Far Eastern region (1925-1945)], *Vestnik DVO RAN*, no. 1, p. 33-59. (In Russ.).
28. "Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh odnoszenij v dvuh tomah" (2006), [Systemic History of International Relations in 2 vol., vol. 1, Events of 1918-1945], ed. by Prof. A. D. Bogaturov, *Kul'turnaja revoljucija*, M., 232 p. (In Russ.).
29. Shul'c, Je. Je. (2018), "Radikal'nye massovyje formy social'nogo protesta i problemy legitimnosti" [Radical Mass Forms of Social Protest and Problems of Legitimacy], *Vestnik RUDN. Serija: Politologija*, vol. 20, no. 2, p. 237-245. (In Russ.).
30. Bělka, L. and Slobodnik, M. (2002), "The Revival of Tibetan Buddhism in Inner Asia: a Comparative Perspective", *Asian and African Studies*, no. 11, p. 15-36.
31. Mishigish, B. (2012), "Japan's Involvement in the Promotion of Mongol Nationalism through Buddhism 1918-1939", *Ritsumeikan Journal of Asia Pacific Studies*, vol. 31, November, p. 39-50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Органа Д. Натсак, кандидат философских наук, учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4.

E-mail: nod695596@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 1079250

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Organa D. Natsak, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov St., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

© Натсак О.Д., 2022